

## О ТОЛСТОВСКОМ СВЕРХТЕКСТЕ И ЛЕНИНСКОМ МИФЕ О Л. Н. ТОЛСТОМ

VALERIA V. KURIANOVA

TOLSTOY'S SUPERTEXT AND THE LENINIST MYTH ABOUT LEV N. TOLSTOY



**Валерия Викторовна  
Курьянова**

кандидат филологических наук,  
доцент

► kuryanova\_v@mail.ru

Крымский федеральный университет  
им. В. И. Вернадского,  
Российская Федерация, 295007,  
Симферополь, пр. Вернадского, 2

**Valeria V. Kurianova**

PhD in Philology,  
Associate Professor

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,  
2, pr. Vernadskogo, Simferopol,  
295007, Russian Federation

Статья посвящена изучению одной из разновидностей ассоциативно-смыслового сверхтекста — персонического текста, в данном случае толстовского текста, и его основы — толстовского мифа. Цель данного исследования — показать роль В. И. Ленина в создании характерной для советского периода литературной мифологии о Л. Н. Толстом, а следовательно, толстовского текста в русской литературе XX в. Авторский миф о великом русском писателе в статьях В. И. Ульянова-Ленина является важной частью литературного мифа, который в силу значимости для писательского сознания ленинского наследия, продвигаемого в советскую эпоху, оказал влияние на восприятие личности, художественного и публицистического наследия Толстого в литературных произведениях и литературоведческих работах в России XX в. Во введение включено краткое теоретическое разъяснение проблемы исследования с опорой на работы известных отечественных филологов, а также возможности рассмотреть ленинские статьи как факты литературного и литературно-критического характера. Дается краткая характеристика работ как советского периода, так и недавнего времени по проблеме «Ленин о Толстом». Указывается, что исследование проводилось с опорой на социологический, мифопоэтический, структуралистский и биографический методы литературоведения. В заключение утверждается, что ленинские работы, посвященные Л. Н. Толстому, его взглядам и наследию, активно формировали толстовскую мифологию, которая благодаря последующей канонизации Ленина в качестве вождя революции и вдохновителя социалистического строительства закрепились в общественном сознании и оказала влияние на формирование толстовского текста в русской литературе.

*Ключевые слова:* сверхтекст, персонический текст, миф, В. И. Ленин, Л. Н. Толстой, толстовский миф, толстовский текст.

The article is devoted to the study of one of the varieties of associative and semantic supertext, the nominative persona text, in this particular case the Tolstoy text and its basis — the Tolstoy myth. The aim of this article is to show the role of Vladimir I. Lenin in the creation of the literary mythology about Lev N. Tolstoy, characteristic of the Soviet period, and, consequently, in the creation of the Tolstoy text in the Russian literature of the 20<sup>th</sup> century. The author's myth about Tolstoy, created in the articles by Ulyanov-Lenin, is an important part of the literary myth about the great Russian writer, which, due to the significance for the writer's consciousness of the Leninist heritage promoted in the Soviet era, had a significant impact on the perception of Tolstoy's personality, creative and journalistic heritage in literary works and literary studies in 20<sup>th</sup> century Russia. The introduction includes a brief theoretical explanation of the research problem with reference to the works of famous Russian philologists, as well as an explanation

of the possibility of considering Lenin's articles as facts of literary and literary-critical nature. A brief characterization of the works of both the Soviet period and recent times on the problem of "Lenin on Tolstoy" is given, on the basis of which a conclusion is made about the novelty of the work. It is pointed out that the research was carried out with reliance on sociological, mythopoetic, structuralist and biographical methods of literary studies. In conclusion, it is argued that Lenin's works on Tolstoy, his views and his legacy actively shaped the Tolstoy mythology, which, thanks to the subsequent canonization of Lenin as the leader of the revolution and the inspirer of socialist construction, gained a foothold in the public consciousness and had its influence on the formation of the Tolstoy text in Russian literature.

*Keywords:* supertext, persona text, myth, Vladimir I. Lenin, Lev N. Tolstoy, Tolstoy's myth, Tolstoy's text.

## Введение

Современная теория ассоциативно-смыслового сверхтекста (в данной статье речь идет о такой его разновидности, как *именной персонический текст*) (подробно см. об ассоциативно-смысловом сверхтексте и его разновидностях: [Курьянов 2023; Курьянов, Иванова, Курьянова 2022]) во главу угла ставит миф как основной структурный элемент сверхтекста, что признается всеми исследователями, начиная с В. Н. Топорова — автора работ по петербургскому тексту [Топоров 2009] — и заканчивая современными учеными (см., напр.: [Меднис 2003; Лошаков 2008; Курьянов, Иванова, Курьянова 2022]).

Персонический текст как вариант именного сверхтекста базируется на «тексте жизни» писателя (художника, ученого, политика и т. п.) [Курьянов, Иванова, Курьянова 2022]. Личность Льва Толстого, величину которой для мировой культуры трудно переоценить, по мере роста популярности Толстого как писателя, а затем как мыслителя и идеолога становится персонажем различных литературных и околотолстовских мифов, о чем неоднократно писалось [Курьянова 2019; Курьянова, Сегал 2021].

Появление имени В. И. Ульянова-Ленина в ряду писателей — создателей толстовского мифа объясняется как минимум несколькими причинами. Он сам себя именовал литератором [Ленин 1981: 465], и это самоопределение невозможно игнорировать. Подавляющее большинство его произведений написано в публицистическом ключе.

Замалчивание точки зрения Ленина как одного из создателей мифов советского периода, в том числе литературных, делает картину сегодняшнего восприятия литературного процесса в России неполной и во многом односторонней. А если иметь в виду, что канонизация Ленина как главного идеолога государства оказывала колоссальное воздействие на все сферы общественной жизни, то ленинское влияние на формирование в частности толстовского мифа в общественном сознании и русской литературе очень велико, если вообще в некоторый период не являлось определяющим.

## Состояние изучения вопроса.

### Цель исследования. Методы

Суждения о ленинском взгляде на литературу в целом и на творчество Л. Н. Толстого в частности множились по мере канонизации вождя русской революции.

К одним из первых суждений, содержащих оценку ленинских статей и высказываний о Толстом, по-видимому, относятся выступления наркома просвещения А. В. Луначарского [см.: Луначарский 1961], мысли которого были в значительно расширенном виде представлены в 6-м томе Литературной энциклопедии в статье «Ленин и литературоведение» [Луначарский 1932]. В 1939 г. в 35/36-м томе научной серии «Литературное наследство» появились статьи А. Гурштейна «Ленин о Толстом» [Гурштейн 1939] и Г. Лукача «Толстой и развитие реализма» [Лукач 1939]. В начале 1950-х годов была опубликована книга Б. С. Мейлаха «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX в.», в которой присутствовала целая глава «Статьи Ленина о Льве Толстом (история создания и проблематика)» [Мейлах 1951: 309–418], а также вышла в свет статья В. Ф. Асмуса «Мировоззрение Льва Толстого в анализах Ленина» [Асмус 1954], в дальнейшем переработанная и дополненная [Асмус 1961].

В 1950–1980-е годы важной вехой в изучении тем «Ленин и русская литература» и «Ленин и Толстой» стала публикация сборников «Ленин о литературе и искусстве» (1-е изд. — в 1957 г.; 7-е изд., последнее, — в 1986 г.) [Ленин 1986], в ко-

торых начиная с 3-го издания (1967) публиковалась исполненная подробного анализа вступительная статья Б. С. Рюрикова [Рюриков 1979]. Из работ 1970–1980-х годов также следует выделить в качестве наиболее значимых статьи С. И. Машинского [Машинский 1978], А. С. Мясникова [Мясников 1981], Д. М. Урнова [Урнов 1981].

Попытка нового взгляда на проблему после долгого перерыва была предпринята в конце 2000-х годов. Новизна подхода заключалась в том, что исследователи стали идти не от «непререкаемой правильности» ленинских суждений, а отталкивались от позиций современного понимания тех идеологических и исторических процессов, которые происходили в России на протяжении конца XIX–XX вв. (см., напр.: [Семенова 2009; Фролов 2010; Николаев, Васендин 2015; Римский, Резник, Мюльгаупт 2017; Загвоздкин 2018; Андреев 2020; Климова 2022]). Небезынтересно, что и в настоящее время встречаются утверждения, подобные имеющим место в советский период [Уткин 2016]. Еще любопытнее взгляды неожиданные, даже парадоксальные, запечатленные, например, в статьях В. Я. Линкова «Вождь русской революции в зеркале Толстого» [Линков 2013] и В. П. Булдакова «Ленин как зеркало русской революции» [Булдаков 2020].

Однако о создании Лениным собственных мифологизированных представлений о Толстом, которые в дальнейшем стали важными для формирования взглядов отечественных литературоведов на литературу и русский литературный процесс, до сих пор не говорилось, а следовательно, проблема, поднимаемая в данной статье, *нова* и вполне *актуальна*, если иметь в виду, что подобная оценка ленинского наследия находится в русле тенденций современного литературоведения.

*Цель данной статьи* — показать роль В. И. Ленина в создании характерной для советского периода литературной мифологии о Л. Н. Толстом, соответственно, толстовского текста в русской литературе XX в. Для этого необходимо опереться на социологический, мифопоэтический, структуралистский и биографический методы литературоведения.

## Обсуждение

Будущий вождь пролетариата ставил личность, и особенно творчество Л. Н. Толстого, очень высоко. Видимо, трудно говорить о бытовании в наследии Ленина сакрального и профанного аспектов толстовского мифа, поскольку у Ленина профанирование не имеет уничтожительных, гротескных, иронических элементов. Но оппозиция мифа о великом писателе, с одной стороны, и мифа о мыслителе-путанике, создателе «толстовщины» — с другой, не только присутствует несомненно, но и является для марксистского идеолога инструментом воздействия на читателя.

Ленин является тем «литератором», который поддерживает константное представление о великом писателе, прочно вошедшее в сознание мировой общественности. Наверное, самым ярким утверждением мифологемы «Толстой — великий писатель» в публицистике Ленина стала фраза, обнародованная в статье «Нужен ли обязательный государственный язык?» (1914): «...язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч» [Ленин 1973в: 294], где подчеркивается, что русский язык велик не сам по себе, а в связи с деятельностью представителей русской культуры, среди которых назван и Лев Толстой.

Фактически во всех статьях Ленина о Толстом величие писателя (мифологема «Лев Толстой — великий писатель») принимается априори, с опорой на это выстраивается вся доказательная база статей, рассматривающих Толстого прежде всего как выразителя идей времени.

В статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» (1908) сопоставляется «имя великого художника с революцией» [Ленин 1968: 206]. И собственно, это неожиданное для того времени сопоставление есть не что иное, как несомненное авторское открытие, давшее в дальнейшем литературоведению определенный ключ к пониманию сути заблуждений (в марксистском понимании) или исканий (в восприятии иных идеологов и мыслителей) Толстого, с каких бы позиций они ни оценивались. Особенность мифологемы «Толстой — гениальный художник», обозначенной в статье, в том, что это, конечно, вариант названной очень обобщенной и номинативной мифологемы «Тол-

стой — великий писатель», но в то же время мифологема имеет ряд конкретных мифологизированных составляющих — своеобразных мифем. В первую очередь это мифемы «несравненные картины русской жизни» и «первоклассные произведения мировой литературы» [Ленин 1968: 209], создателем которых выступает Толстой как художник. Далее следует мифема «замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши» [Ленин 1968: 209], что опять-таки свойственно его произведениям. И следующие мифемы — «беспощадная критика капиталистической эксплуатации», «разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления», «вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс», а также «самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок» [Ленин 1968: 209]. Мифологизация этих вполне справедливых утверждений происходит оттого, что Ленин с публицистическим накалом пишет о важных для его политической доктрины и не противоречащих ей существенных сторонах творчества художника, причем очевидных и уже отчасти намеченных другими критиками. При этом Ленин пытается опираться на принципы диалектического материализма, но, ведомый публицистическими эмоциями, подходит к Толстому не диалектично — не прописывает взаимосвязь всего, что связано с творчеством писателя, а просто очерчивает бинарные оппозиции — «кричащие противоречия» [Ленин 1968: 209], — присущие, по его мнению, Толстому. Каждая из этих оппозиций мифологизируется.

Прямое указание на непосредственную связь гениальности и величия Толстого с характером первой русской революции будет переходить из произведения в произведение Ленина. Некролог «Л. Н. Толстой» (1910) начинается словами: «Умер Лев Толстой. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника... отражает по-своему мировое значение русской революции» [Ленин 1973а: 19]. С одной стороны, подчеркивается величие писателя, а с другой — политический смысл его

деятельности, важный для русского марксиста. Существенной стороной данной мифологемы становится тот факт, что Толстой «рисовал преимущественно старую, дореволюционную Россию... Россию помещика и крестьянина» [Ленин 1973а: 19]. Ленинская мифологема «Толстой — художник пореформенной и предреволюционной эпохи» характеризует писателя как выразителя периода между отменой крепостного права (1861) и первой русской революцией (1905). Причем такое утверждение встречается в ленинских статьях неоднократно.

То же можем видеть в статье «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» (1910), где имя Толстого как великого писателя связывается с ростом политического сознания рабочего класса (см.: [Ленин 1973а: 38]). Продолжая развивать мифологему «Толстой — художник пореформенной и предреволюционной эпохи» («деятельность Толстого падает на тот период русской истории, который лежит между... 1861 и 1905 годами» [Ленин 1973а: 38]), Ленин, по сути, создает новую, вытекающую из предыдущей мифологему — «Толстой — выразитель ломки взглядов широких народных масс».

Как политик-публицист, Ленин видит явное влияние на современное ему революционное сознание идей и личности Толстого (см. «Начало демонстраций»: [Ленин 1973а: 74]). Писатель велик своим объективным взглядом на жизнь, а это чрезвычайно важно для понимания пролетариатом существующего положения вещей (см. «Толстой и пролетарская борьба»: [Ленин 1973а: 70]). Поэтому «изучая художественные произведения Льва Толстого, русский рабочий класс узнает лучше своих врагов, а разбираясь в учении Толстого, весь русский народ должен будет понять, в чем заключалась его собственная слабость, не позволившая ему довести до конца дело своего освобождения» [Ленин 1973а: 71]. То есть Лениным мифологизируются два момента: 1) значение наследия великого писателя для самосознания рабочего класса и, следовательно, понимания путей рабочего движения и 2) значение учения Толстого для понимания русским народом своей слабости, преодолев которую народ сможет довести до конца дело своего освобождения. Причем первая ми-



фологема вообще до сих пор не входила в число воспринимаемых мифологем, заслоненная главным ленинским мифом о Толстом как выразителе идеологии русского крестьянства.

Миф о Толстом как зеркале русской революции — это полноценный самостоятельный авторский миф, хотя он и входит в состав ленинского мифа о писателе. Это ленинский профанный вектор мифа о Толстом-мыслителе, страдающем непоследовательностью человека, ипостась которого невыгодно контрастирует с ипостасью великого художника. То есть в ленинском наследии выделяются два главных мифа: сакральный миф о Толстом — гении и великом писателе — и профанный толстовский миф о патриархальном религиозном мыслителе.

Для идеолога-марксиста знаковый деятель русской общественной и культурной жизни был беспроигрышным примером для наиболее эффективного построения своих умозаключений. Если рассматривать все, что было написано В. И. Лениным о Л. Толстом, то, несомненно, можно отметить, что идеолог русской революции анализирует личность и творчество писателя в рамках складывающегося социологического литературоведческого метода в марксистском его варианте.

Ленин считает, что Толстой и как гениальный художник, и как мыслитель отразил свою эпоху, которая в силу сложившихся в России исторических обстоятельств носила переходный характер (см. статью «Л. Н. Толстой и его эпоха»: [Ленин 1973а: 100]).

Все названные факторы породили индивидуально-авторские ленинские профанные мифологемы, сложившие авторский миф «Лев Толстой — зеркало русской революции» и закрепившиеся в общественном сознании в советское время. Понятно, что наиболее яркие и метафоричны эти мифологемы в ленинской статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции».

Прежде всего это мифологема, сформулированная следующим образом: «помещик, юродствующий во Христе» [Ленин 1968: 209]. Мифема «помещик» в данном контексте не нейтральна, она приобретает отчетливый негативный характер (если иметь в виду и ленинские взгляды, и бро-

сающие ответ на это слово последующие слова) и во многом придает черты расхожего традиционного утверждения в мифеме «гениальный художник, давший <...> несравненные картины русской жизни», «первоклассные произведения мировой литературы [Ленин 1968: 209]. Происходит это, поскольку поименование Толстого гениальным художником встречается в печатных изданиях любой идеологической (партийной) направленности, а вот поименование писателя помещиком, да еще и «юродствующим во Христе», придает его облику яркие и в то же время вовсе не положительные черты. Причем в данном случае совсем не имеется в виду подвижник «Православной Церкви, принимавший на себя подвиг юродства, то есть внешнего, кажущегося безумия» [Богословско-литургический словарь]. По сути, Ленин напрямую говорит о безумстве (см. также значения слова: [Толковый словарь Даля онлайн]) поступков писателя, связанных с проповедью нравственных законов, получивших выражение и в увлечении вегетарианством, и в проповедничестве, и в хождении босиком (последнее — совершеннейший миф, тем не менее активно имевший хождение в среде в том числе образованной публики).

Указанную мифологему развивает известная мифологема толстовства. Однако ленинское индивидуально-авторское видение наполняет ее содержание суждениями, при которых искатель нравственного самоусовершенствования превращается в жалкое явление — в «истасканного, истеричного хлюпика, называемого русским интеллигентом» [Ленин 1968: 209], а само учение Толстого как общественный феномен приобретает характер явления фальшивого и лживого.

Продолжает ряд неоднократно подвергавшаяся современниками критике мифологема «непротивления злу силой» — «юродивая проповедь “непротивления злу” насилем» [Ленин 1968: 209]. Ленина как убежденного революционера возмущает, что толстовская «беспощадная критика... эксплуатации... правительственных насилий» [Ленин 1968: 209] и прочего не только не приводит писателя к революционным выводам, но и склоняет к христианским проповедям о необходимости подставить вторую щеку.

Попутно отметим структуру «кричащих противоречий». Сначала — положительные черты мировоззрения и произведений, затем отрицательные (в ленинском, конечно, смысле). Сначала заслуги, выраженные общо и абстрактно («гениальный художник», «несравненные картины», «первоклассные произведения», «искренний протест», «общественная ложь и фальшь», «беспощадная критика», «вскрытие всей глубины противоречий» и т. п., которые мало отличаются от критикуемых Лениным общих слов и выражений «кадетских балалайкиных из “Речи”» [Ленин 1968: 209]), а затем эмоционально представленные и образно окрашенные заблуждения Толстого: «помещик, юродствующий во Христе», «истасканный, истеричный хлюпик», «проповедь одной из самых гнусных вещей», «омерзительная поповщина» [Ленин 1968: 209–210] и пр. Собственно, именно такая образно-понятийная структура статьи и способствует мифологизации понятий, которые в нейтральном виде были бы просто известными концептами-идеологемами — толстовец, религиозная проповедь, поповщина и др.

Все эти авторские профанные мифологемы, созданные Лениным, служат подтверждением главной мифологемы, и тоже профанной, — «исторический грех толстовщины» [Ленин 1968: 213]. Собственно, вся ленинская статья «Лев Толстой, как зеркало русской революции» формирует миф о крестьянском характере первой русской революции и отражении Толстым именно крестьянской патриархальной идеологии, которая не позволила революции завершиться победой идей социал-демократии: «толстовские идеи — это зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни» [Ленин 1968: 212].

Притягательность не сразу усвоенных, но в дальнейшем с успехом воспринятых публикой мифологизированных ленинских представлений заключается в том, что при всей глубине своих знаний и способностей мыслителя вождь пролетариата оставался в плену собственных политических идей и поэтому смотрел на мир упрощенно. Глядя на общество как на четко структурированное (состоящее из антагонистических

классов) образование, а не как на собрание индивидуальностей, к которым далеко не всегда и не во всем такой подход применим, марксизм, несомненно, показывает общие закономерности, но при этом не учитывает (как минимум на практике) исключения из этих закономерностей, которых тем больше появляется, чем больше углубляешься в вопросы человеческого бытия. Толстой не категоричен в своих утверждениях и оценке действительности, а потому в ленинском понимании теоретически неустойчив, значит, к нему применимы сравнения с теми слоями общества и сословиями, которые не видят полной своей выгоды от революционных действий, а потому нерешительны и во многом аморфны. К такому сословию, по Ленину, относится самая многочисленная часть русского общества — крестьянство. Отсюда и следует вывод о влиянии крестьянской психологии на философскую концепцию Толстого. Экономическая теория К. Маркса, усвоенная Лениным как безусловно приложимая ко всем общественным явлениям, безо всякого исключения («Учение Маркса всесильно, потому что оно верно» [Ленин 1973б: 43]), приводит лидера радикальной части русской социал-демократии к категоричным утверждениям о связи толстовских размышлений и выводов с мелкобуржуазным мировоззрением, которое несли в себе представители крестьянской массы.

Но, во-первых, в мировоззренческих взглядах Толстого не было и не могло быть места размышлениям об экономической заинтересованности, поскольку все его учение было основано на твердой уверенности в необходимости отказа от любых корыстных помыслов и действий.

Во-вторых (главным образом), мифологизация Лениным Толстого происходит оттого, что представляемые ими пути достижения благоденствия людей на Земле принципиально разнятся. Ленину достижение цели освобождения людей видится исключительно в завоевании социально-политических прав и гражданских свобод, более того, в установлении диктатуры пролетариата. Толстой уверен (и в этом видится несомненная его правота), что без нравственного совершенствования отдельного человека невозможны ни социаль-

но-политические изменения, ни гражданские свободы, ни экономический рост.

Нельзя также сказать, что Толстой и Ленин смотрят на жизнь категорически розно, уже хотя бы потому, что речь у каждого идет о благе человека и человечества. Но, обращаясь к социальному, писатель видит в нем наличие или отсутствие путей к духовному совершенствованию и указывает их. Именно это едко высмеивает революционный публицист, сводя все в мире только к общественным отношениям и классовой борьбе, не видя за обществом человека. Отсюда и возникают мифологизированные сентенции вроде «Толстой смехон как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества» [Ленин 1968: 210].

Следуя этой своей позиции, абсолютизируя социально-экономические факторы, Ленин мифологизирует Толстого-мыслителя, представляя его в качестве «выразителя... идей и... настроений <...> миллионов русского крестьянства» [Ленин 1968: 210].

Следствие — развитие предложенного профанного в своей основе мифа, компонентами которого являются: 1) «толстовское воздержание от политики, толстовское отречение от политики, отсутствие интереса к ней и понимания ее» [Ленин 1968: 211–212]; 2) общественные события, в результате которых «бóльшая часть крестьянства» «становилась под расстрел, ложилась под розги, впрягалась снова в ярмо» [Ленин 1968: 211, 212].

## Итоги

Можно утверждать, что ленинские работы, посвященные Л. Н. Толстому, его взглядам и его наследию, оказавшим существенное влияние на развитие общественного движения в период русских революций начала XX в., активно формировали толстовскую мифологию, которая благодаря последующей канонизации Ленина в качестве вождя революции и вдохновителя социалистического строительства закрепились в общественном сознании и сыграла определенную роль в формировании толстовского текста в русской литературе. Изучение непосредственного воздействия ленинских мифологем на литературу и общественное сознание — предмет отдельного исследования.

## ИСТОЧНИКИ

Ленин 1968 — Ленин В. И. *Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 17. Март 1908 — июнь 1909.* 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1968. XXIV, 655 с.

Ленин 1973а — Ленин В. И. *Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 20. Ноябрь 1910 — ноябрь 1911.* 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1973. XIV, 583 с.

Ленин 1973б — Ленин В. И. *Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 23. Март — сентябрь 1913.* 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1973. XXIV, 594 с.

Ленин 1973в — Ленин В. И. *Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 24. Сентябрь 1913 — март 1914.* 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1973. XXVIII, 566 с.

Ленин 1981 — Ленин В. И. *Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 41. Май — ноябрь 1920.* 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1981. XXXII, 695 с.

Ленин 1986 — Ленин В. И. *О литературе и искусстве: сборник.* 7-е изд. М.: Художественная литература, 1986. 576 с.

## СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

Богословско-литургический словарь — Богословско-литургический словарь. *Азбука веры:* сайт. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/bogoslovsko-liturgicheskij-slovar/327> (дата обращения: 07.10.2023).

Толковый словарь Даля онлайн — *Толковый словарь Даля онлайн.* URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=44179> (дата обращения: 07.10.2023).

## ЛИТЕРАТУРА

Андреев 2020 — Андреев А. Л. Ленинские статьи о литературе и социальная диалектика марксизма. *Философия хозяйства.* 2020, (1): 227–238.

Асмус 1954 — Асмус В. Ф. Мировоззрение Льва Толстого в анализах Ленина. *Ученые записки Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Серия филологическая.* 1954, (18): 3–79.

Асмус 1961 — Асмус В. Ф. Мировоззрение Толстого. В кн.: *Лев Толстой.* Макашин С. А. (ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1961 (Литературное наследство). Т. 69. Кн. 1. С. 35–102.

Булдаков 2020 — Булдаков В. П. Ленин как зеркало русской революции. *Философические письма. Русско-европейский диалог.* 2020, 3 (1): 121–137.

Гурштейн 1939 — Гурштейн А. Ленин о Толстом. В кн.: *Л. Н. Толстой.* Жданов В. В. (подгот. к печ.). М.: Изд-во АН СССР, 1939 (Литературное наследство). Т. 35/36. Кн. I. С. 3–13.

Загвоздкин 2018 — Загвоздкин Н. Д. К марксистской интерпретации Л. Толстого. В кн.: *Маркс, Вернадский и фундаментальные стратегии России XXI века.* Марахов В. Г. (ред.). СПб.: ВВМ, 2018. С. 24–41.

Климова 2022 — Климова С. М. Советские интерпретации противоречий в сознании Л. Н. Толстого. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.* 2022, 2 (60): 113–123.

- Курьянов 2023 — Курьянов С. О. О дефиниции сверхтекста. В кн.: *Сверхтекст: генезис, структура, семантика: монография*. Курьянов С. О. (ред.). М.: Директ-Медиа, 2023. С. 6–8.
- Курьянова 2019 — Курьянова В. В. Толстовский текст и миф о Л. Н. Толстом в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова. *Научный диалог*. 2019, (1): 179–194.
- Курьянова, Сегал 2021 — Курьянова В. В., Сегал Н. А. Толстовский текст в творчестве Р. Акутагавы. *Научный диалог*. 2021, (3): 218–230.
- Курьянов, Иванова, Курьянова 2022 — Курьянов С. О., Иванова Н. П., Курьянова В. В. Актуальные вопросы теории сверхтекста: литературоведческий аспект. Ассоциативно-смысловой сверхтекст. *Litera*. 2022, (11): 124–136.
- Линков 2013 — Линков В. Я. Вождь русской революции в зеркале Толстого. *Русская словесность*. 2013, (3): 38–43.
- Лошаков 2008 — Лошаков А. Г. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2008, 11 (66): 100–109.
- Лукач 1939 — Лукач Г. Толстой и развитие реализма. В кн.: *Л. Н. Толстой*. Жданов В. В. (подгот. к печ.). М.: Изд-во АН СССР, 1939 (Литературное наследство). Т. 35/36. Кн. I. С. 14–77.
- Луначарский 1932 — Луначарский А. В. Ленин и литературоведение. В кн.: *Литературная энциклопедия*. В 11 т. Т. 6. М.: ОГИЗ РСФСР; Советская энциклопедия, 1932. С. 194–260.
- Луначарский 1961 — Луначарский А. В. Толстой и наша современность. В кн.: *Лев Толстой*. Зельдович В. Д. (публ.). М.: Изд-во АН СССР, 1961 (Литературное наследство). Т. 69. Кн. 2. С. 406–426.
- Машинский 1978 — Машинский С. Революция, Ленин, Толстой. *Вопросы литературы*. 1978, (8): 3–47.
- Меднис 2003 — Меднис Н. Е. *Сверхтексты в русской литературе: учеб. пособие*. Печерская Т. И. (ред.). Новосибирск: НГПУ, 2003. 170 с.
- Мейлах 1951 — Мейлах Б. С. *Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX в.: исследования и очерки*. 2-е изд. М.; Л.: Гослитгиздат, 1951. 420 с.
- Мясников 1981 — Мясников А. С. Эстетика нового мира. В сб.: *Контекст: литературно-теоретические исследования — 1980*. М.: Изд-во ИМЛИ АН СССР, 1981. С. 125–157.
- Николаев, Васендин 2015 — Николаев Н. И., Васендин С. С. В. И. Ленин о Л. Н. Толстом (к вопросу об эволюции взглядов и оценок). В сб.: *Современная филология: теория и практика: материалы XXI Междунар. науч.-практ. конф.*, Москва, 14–15 октября 2015 г. М.: Институт стратегических исследований, 2015. С. 89–94.
- Римский, Резник, Мюльгаупт 2017 — Римский В. П., Резник С. В., Мюльгаупт К. Е. Учение Л. Н. Толстого о насилии и ненасилии в зеркале русских революций. *Наука. Искусство. Культура*. 2017, 3 (15): 75–93.
- Рюриков 1979 — Рюриков Б. С. Ленин и литература. В кн.: *В. И. Ленин о литературе и искусстве*. 6-е изд. М.: Художественная литература, 1979. С. 8–48.
- Семенова 2009 — Семенова А. Л. Интерпретация идей Л. Н. Толстого в публицистике идеалистов (журналы «Новый путь», «Вопросы жизни») и позитивистов (журнал «Правда»). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2009. Вып. 2. Ч. 2: 299–305.
- Топоров 2009 — Топоров В. Н. *Петербургский текст*. М.: Наука, 2009. 820 с.
- Урнов 1981 — Урнов Д. М. О социально-исторической ориентации писателя. В сб.: *Контекст: литературно-теоретические исследования — 1981*. М.: Изд-во ИМЛИ АН СССР, 1982. С. 231–242.
- Уткин 2016 — Уткин А. И. Ленин о Льве Толстом. В сб.: *Л. Н. Толстой и русская отечественная мысль о национальном воспитании: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции*, Орехово-Зуево, 12–13 мая 2016 г. Орехово-Зуево: Гос. гуманитар.-технол. ун-т, 2016. С. 266–271.
- Фролов 2010 — Фролов А. К. Толстой и «толстовщина» (к 100-летию со дня смерти классика русской литературы). *Российский экономический журнал*. 2010, (5): 44–56.

## REFERENCES

- Андреев 2020 — Andreev A. L. Lenin's articles on literature and the social dialectics of Marxism. *Filosofia khoziaistva*. 2020, (1): 227–238. (In Russian)
- Асмус 1954 — Asmus V. F. Leo Tolstoy's worldview in Lenin's analyses. *Uchenye zapiski Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V. I. Lenina. Seriya filologicheskaja*. 1954, (18): 3–79. (In Russian)
- Асмус 1961 — Asmus V. F. Tolstoy's worldview. In: *Lev Tolstoi*. Makashin S. A. (ed.). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1961 (Literaturnoe nasledstvo). Vol. 69. Book 1. P. 35–102. (In Russian)
- Булдаков 2020 — Buldakov V. P. Lenin as a mirror of the Russian revolution. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog*. 2020, 3 (1): 121–137. (In Russian)
- Гурштейн 1939 — Gurshtein A. Lenin about Tolstoy. In: *L. N. Tolstoi*. Zhdanov V. V. (prep. for print.). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1939 (Literaturnoe nasledstvo). Vol. 35/36. Book I. P. 3–13. (In Russian)
- Загвоздкин 2018 — Zagvozdkin N. D. Towards a Marxist interpretation of L. Tolstoy. In: *Marks, Vernadskii i fundamental'nye strategii Rossii XXI veka*. Marakhov V. G. (ed.). St. Petersburg: VVM Publ., 2018. P. 24–41. (In Russian)
- Климова 2022 — Klimova S. M. Soviet interpretations of contradictions in the mind of L. N. Tolstoy. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2022, 2 (60): 113–123. (In Russian)
- Курьянов 2023 — Kur'ianov S. O. On the definition of super-text. In: *Sverkhtekst: genезis, struktura, semantika: monografiia*. Kur'ianov S. O. (ed.). Moscow: Direkt-Media Publ., 2023. P. 6–8. (In Russian)
- Курьянова 2019 — Kur'ianova V. V. Tolstoy's text and myth about L. N. Tolstoy in the works of I. Ilf and E. Petrov. *Nauchnyi dialog*. 2019, (1): 179–194. (In Russian)
- Курьянова, Сегал 2021 — Kur'ianova V. V., Segal N. A. Tolstoy's text in the works of R. Akutagawa. *Nauchnyi dialog*. 2021, (3): 218–230. (In Russian)



- Курьянов, Иванова, Курьянова 2022 — Kur'ianov S. O., Ivanova N. P., Kur'ianova V. V. Current issues in the theory of supertext: Literary aspect. Associative-semantic supertext. *Litera*. 2022, (11): 124–136. (In Russian)
- Линков 2013 — Linkov V. Ia. The leader of the Russian revolution in the mirror of Tolstoy. *Ruskaia slovesnost'*. 2013, (3): 38–43. (In Russian)
- Лошаков 2008 — Loshakov A. G. Supertext: the problem of integrity, principles of modeling. *Izvestiia RGPU imeni A. I. Gertse-na*. 2008, 11 (66): 100–109. (In Russian)
- Лукач 1939 — Lukacs G. Tolstoy and the development of realism. In: *L. N. Tolstoi*. Zhdanov V. V. (prep. for print.). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1939 (Literaturnoe nasledstvo). Vol. 35/36. Book I. P. 14–77. (In Russian)
- Луначарский 1932 — Lunacharskii A. V. Lenin and literary criticism. In: *Literaturnaia entsiklopediia*. In 11 vols. Vol. 6. Moscow: OGIZ RSFSR Publ.; Literaturnaia entsiklopediia Publ., 1932. P. 194–260. (In Russian)
- Луначарский 1961 — Lunacharskii A. V. Tolstoy and our modernity. In: *Lev Tolstoy*. Zel'dovich V. D. (publ.). (Literaturnoe nasledstvo). Vol. 69. Book 2. P. 406–426. (In Russian)
- Машинский 1978 — Mashinskii S. Revolution, Lenin, Tolstoy. *Voprosy literatury*. 1978, (8): 3–47. (In Russian)
- Меднис 2003 — Mednis N. E. *Supertexts in Russian literature*. Pecherskaia T. I. (ed.). Novosibirsk: NGPU Publ., 2003. 170 p. (In Russian)
- Мейлах 1951 — Meilakh B. S. *Lenin and the problems of Russian literature of the late 19<sup>th</sup> — early 20<sup>th</sup> centuries: Studies and essays*. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow; Leningrad: Goslitizdat Publ., 1951. 420 p. (In Russian)
- Мясников 1981 — Miasnikov A. S. Aesthetics of the new world. In: *Kontekst: literaturno-teoreticheskie issledovaniia — 1980*. Moscow: Izdatel'stvo IMLI AN SSSR Publ., 1981. P. 125–157. (In Russian)
- Николаев, Васендин 2015 — Nikolaev N. I., Vasendin S. S. V. I. Lenin about L. N. Tolstoy (On the issue of the evolution of views and assessments). In: *Sovremennaia filologiia: teoriia i praktika: materialy XXI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moscow, 14–15 oktiabria 2015 g.* Moscow: Institut strategicheskikh issledovaniy Publ., 2015. P. 89–94. (In Russian)
- Римский, Резник, Мюльгаупт 2017 — Rimskii V. P., Reznik S. V., Miul'gaupt K. E. The teaching of L. N. Tolstoy about violence and non-violence in the mirror of Russian revolutions. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 2017, 3 (15): 75–93. (In Russian)
- Рюриков 1979 — Riurikov B. S. Lenin and literature. In: *V. I. Lenin o literature i iskusstve*. 6<sup>th</sup> ed. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1979. P. 8–48. (In Russian)
- Семенова 2009 — Semenova A. L. Interpretation of the ideas of L. N. Tolstoy in the journalism of idealists (magazines “Novyy put”, “Voprosy zhizni”) and positivists (magazine “Pravda”). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiia. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. 2009. Iss. 2. Part 2: 299–305. (In Russian)
- Топоров 2009 — Toporov V. N. *Petersburg text*. Moscow: Nauka Publ., 2009. 820 p. (In Russian)
- Урнов 1981 — Urnov D. M. On the socio-historical orientation of the writer. In: *Kontekst: literaturno-teoreticheskie issledovaniia — 1981*. Moscow: Izdatel'stvo IMLI AN SSSR Publ., 1982. P. 231–242. (In Russian)
- Уткин 2016 — Utkin A. I. Lenin about Leo Tolstoy. In: *L. N. Tolstoi i ruskaia otechestvennaia mysl' o natsional'nom vospitanii: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Orekhovo-Zuevo, 12–13 maia 2016 g.* Orekhovo-Zuevo: Gosudarstvennyi gumanitarno-tekhnologicheskii universitet Publ., 2016. P. 266–271. (In Russian)
- Фролов 2010 — Frolov A. K. Tolstoy and “Tolstoyism” (To the 100<sup>th</sup> anniversary of the death of the classic of Russian literature). *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*. 2010, (5): 44–56. (In Russian)